

КИТАЙСКИЕ ТЕНИ

Источник: А. Соболев. Человек за бортом. Повести и рассказы. М.: "Книгописная палата", 2001. -- 320 с.

OCR и вычитка: Александр Белоусенко, февраль 2008. <http://belousenko.com/>

I

Москва.

Вдоль и поперек, слева и справа, по диагонали, радиусам перерезают ее скоропалительные, стремительные -- время деньги; рукопожатия отменены, кончил дело, уходи, -- вывески трестов и синдикатов и вывески менее броские, более скромные уполномоченных Юга, Севера, Дона, Туркестана -- хлопок; черное золото, жидкое; терпкая влага крымских погребов; меха соболя; кета амурская.

И вечером на Тверском бульваре слепой старик играет на флейте -- в стужу, в дождь, жару, все равно -- за две бумажные копеечки плачет флейта.

В праздники горят щиты райкомов, к Профинтерну, к Коминтерну подъезжают автомобили, в час перерыва индус с японцем пьют чай бывшего Высоцкого, -- за долами, за морями темные, смуглые, желтые шепчут: "Ленин", -- за Страстной площадью, в комнатухе, где пять коек и одно оконце, бухарская девушка читает по складам: "Раскрепощение восточной женщины есть одно из...", чтоб завтра поутру ответить товарищу Зусману.

И вечером на Тверском бульваре деревенской пастушьей жалейкой плачет стариновская флейта.

А радиотелеграфист с Шаболовки вольной птицей мечется по воздушным волнам и тонким острием радиоприемника щекочет королей и премьер-министров, щекочет и спать не дает.

А в самой почти сердцевине московской лежит островок: омывают его со всех сторон московские хляби, а захлестнуть не могут и Троеручицу за синими огоньками лампадки не тревожат.

Синь, синь огонек -- и в сонной заводи кукует смешно и ласково деревянная кукушка на пороге своего деревянного домика, откуда струится сонное, мирное, непотревоженное время.

II

Островок.

Вглубь, в глубь двора -- сереньким пятном, бедным, комочком незаметным, подслеповатыми, с бельмами-окошечками, к низенькому сарайчику -- и пятиэтажным, бывшим доходным домом вперед, наружу.

В глубине сереньким комочком, рыжим брандмауэром наружу: к комиссарам всяким, к разным податным, муниобразным, соцстрахным со всякими отчислениями и анкетами, рыжим пятиэтажным четырехугольником на любое лояльное прочтение. И прячется островок.

За рыжей машиной и не увидишь старого грибка, как в лесу за столетней сосной. А грибная шляпка-головка еле держится: не точат московские хляби, но подтачивают червячки, извилистыми дорожками, лабиринтами изъедают древесину, дело свое делают, потому вдруг ночью начинается стрельба под обоями, и тогда бормочет про себя Гликерия Антоновна, почесывая теплый, в испарине живот:

-- Ремонт нужен. Надо поговорить с Димой. -- И засыпает, чтоб поутру снова забыть о стрельбе, и спит сладко, вкусно, точно уписывает слоеные пирожки, и чмокает во сне и не слышит, как в соседней комнате племянница Надежда мечется от стены к стене.

Вторая ночь без сна -- сколько ночей может не спать человек, -- вторая ночь в ожидании первой вечерней звезды. И вот: стрельба под обоями -- думы о стрельбе на улице; тут червячки -- там люди ловят человека, и мчится из переулка в переулок человек, отстреливаясь от человека, от человеческой погони задыхаясь.